

Танзания. Современное рабство, межэтнические отношения и групповая репрезентация арабов

© Банщикова А.А.^a, 2021

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0001-6130-3417; senet_m_ta@mail.ru

Резюме. В 2018-2019 гг. в Танзании автор проводила полевые исследования, посвященные исторической памяти об арабо-суахильской работорговле XIX в. и современным взаимоотношениям между афро- и аработанзанийцами.

В статье анализируются выявленные при этом феномены восприятия арабо-суахильской работорговли и его влияния на современные межэтнические отношения. Поясняются местные представления о танзанийских «арабах» и (афро)«танзанийцах». Приводятся сообщения респондентов о случаях современного рабства, когда танзанийцев, чаще молодых женщин, обещанием работы «заманивали» в арабские страны, где они оказывались на положении рабской рабочей силы (обычно принуждались к проституции или подневольным сексуальным отношениям с мужчинами в доме, куда их нанимали как прислугу; некоторые рассказы говорят о изнурительной работе или насилии).

Хотя вовлечением в современное рабство, согласно сообщениям, занимаются приезжие арабы, подобные истории влияют на отношение к аработанзанийцам, их групповое восприятие; более того, они концептуализируются как продолжение исторической работорговли XIX в. (в этом восприятии она никогда не прекращалась и продолжает существовать в другой форме). Все это оказывается вкладом в конструирование и бытование обобщенного образа «арабов», основанного на исторических воспоминаниях об арабском господстве на Занзибаре и в Восточной Африке в XIX в. и ранее, когда представители династии Омана на Занзибаре стали главной силой и главными бенефициарами работорговли в регионе.

Перенос впечатлений прошлого в настоящее способствует восприятию современного рабства танзанийцев в арабских странах как негативного фактора в отношении к танзанийским арабам, противостоящего позитивным трендам в этом отношении, также существующим.

Ключевые слова: Танзания, современное рабство, межэтнические отношения, арабы, групповая репрезентация

Благодарность. Работа выполнена в рамках гранта РФФИ 20-09-00361 «Культурная память об арабской работорговле XIX века и ее влияние на межэтнические отношения в современной Танзании».

Для цитирования: Банщикова А.А. Танзания. Современное рабство, межэтнические отношения и групповая репрезентация арабов. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 5. С. 59-65. DOI: 10.31857/S032150750015052-9

Tanzania. Modern slavery, interethnic relations, and group perception of Arabs

© Anastasia A. Banschikova^a, 2021

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0001-6130-3417; senet_m_ta@mail.ru

Abstract. The paper highlights the results of field research, conducted by the author in Tanzania in 2018-2019 and focused on the perception and memories of Arab-Swahili slave trade of 19th century and its influence on nowadays interethnic relations in the country. Local notions of Tanzanian “Arabs” and Afro-“Tanzanians” are commented.

Reports about modern human trafficking are presented, the stories how Tanzanians, usually young women, are being lured to Arabic countries by promises of job and better life. However after reaching the destination point they end up working as prostitutes or are engaged in forced sexual relations with men in the house, which they were supposed to clean and take care of. Some stories are focused on backbreaking work or violence.

Due to the fact that people from Arabic countries are engaged in these activities, respondents point out that such stories influence the attitude toward Tanzanian Arabs, their group perception and general “image of Arabs”. This generalized “image of Arabs” is a concept based on historical memories about Arab domination in Zanzibar and East Africa in the 19th century and earlier, as representatives of Zanzibar’s Oman dynasty became the main actors and beneficiaries of slave trade in the region.

Transfer of the past impression into the present promotes perception of the modern slavery of Tanzanians in Arabic countries as a negative factor in the attitude towards Tanzanian Arabs. Moreover, modern human trafficking is conceptualized as the continuation of 19th century slave trade, as the slave trade never ended, it continues to exist in other ways. This deteriorates interethnic relations in the country.

Keywords: Tanzania, modern slavery, interethnic relations, Arabs, group representation

For citation: Anastasia A. Banschikova. Tanzania. Modern slavery, interethnic relations, and group perception of Arabs. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 5. Pp. 59-65. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750015052-9

ВВЕДЕНИЕ

Статья освещает материалы полевого исследования, проведенного в августе-сентябре 2020 г. А.А. Баншиковой, В.Н. Брындиной и О.В. Иванченко в Объединенной Республике Танзания и посвященного восприятию и осмыслению арабской работорговли XIX в. в контексте современных взаимоотношений между афротанзанийцами и аработанзанийцами, а также материалы полевых сезонов 2018-2019 гг.

Было собрано более 130 формальных и неформальных интервью на английском и суахили языках в Дар-эс-Саламе, Багамойо, Каоле, Танге, Пангани, на Занзибаре и некоторых других местах. Респондентам задавались вопросы о том, что они знают о работорговле, ведшейся на территории современной Танзании, кто были работорговцы, в какие страны увозили рабов и т.д. Отдельная группа вопросов была призвана выявить отношение афротанзанийцев к арабам, живущим в стране сейчас, и определить, увязывается ли это отношение с трагической историей работорговли. Прежде всего, необходимо охарактеризовать идентичность и состав самих групп, чьим межэтническим взаимоотношениям посвящена работа, и привести основные вехи истории восточноафриканской работорговли, поскольку она повлияла на эти взаимоотношения и может служить объектом отсылок и апелляций при их выражении.

АФРОТАНЗАНИЙЦЫ И АРАБОТАНЗАНИЙЦЫ

В сознании всех групп граждан Танзании широко укоренено представление об афротанзанийцах и меньшинствах неафриканского происхождения (арабов, индийцев, китайцев, европейцев) как об отдельных общностях внутри политической общности граждан Танзании [1].

Даже сам термин «танзанийцы» (*Tanzanians*) широко употребляется в неполитическом смысле как покрывающий лишь афротанзанийцев. Респонденты систематически употребляют слово *Tanzanians* в значении, противопоставляемом арабам (*Arabs*) Танзании независимо от того, являются ли они гражданами страны и как долго жили на ее территории их предки.

Один из респондентов с исчерпывающей ясностью ответил на прямой вопрос о том, входят ли арабы - граждане Танзании в единую танзанийскую нацию: «Для большинства людей это так на уровне политики, на правительственном уровне. Как одна нация - это означало бы нечто вроде того, что арабы тоже танзанийцы... Когда дело рассматривается на политическом уровне, это нормально, но в повседневной жизни они (арабы - граждане Танзании. - А.Б.) не рассматриваются как танзанийцы обычными людьми. Те говорят: “А-а, *mwarabu*”¹. Вот так получается. Здесь совершенно ясно выражена мысль, что арабы - граждане страны - входят в “политическую нацию” Танзании, но не в этническую. по своей сути. общность “танзанийцы» [2].

Различие между афротанзанийцами и аработанзанийцами проводится по внешним, расово-антропологическим признакам, увязываемым с представлениям об исторических реалиях: под «арабами» подразумеваются удержавшие фенотип предков потомки реальных этнических арабов, селившихся на территории Танзании на протяжении нескольких последних веков (прежде всего, в связи с активностью и властью Оманского султаната), а также арабы, прибывшие на территорию Танзании и живущие там в последние десятилетия. Дифференциация не проходит ни по религиозному признаку (множество «танзанийцев» - носители тех же толков ислама, что и «арабы»), ни по языковому признаку (есть огромное количество семей, живущих в стране многие поколения и знающих как родной язык только суахили).

Категория «арабов» выделяется и противопоставляется «танзанийцам» как потомки арабо-мусульманских пришельцев с Ближнего Востока, остающихся этнически чужаками - коренному африканскому населению региона (включающему некоторые семьи и группы, также возводящиеся по отдаленному происхождению к пришельцам, но давно полностью влившиеся в местное население и не отличающиеся от него, в т.ч. по фенотипу). Внешность при этом связывается с тем, как и в каком качестве прибыли предки ее носителей в Африку и какая роль и степень обособленности характеризовала их потом в истории региона.

Это противопоставление имеет «идеологический» оттенок, связанный уже не с актуально наблюдаемыми отличиями «араба» от «танзанийца», а с представлениями об истории страны и о роли предков тех или иных семей в этой истории. Без таких представлений сама по себе разница во внешности едва ли могла бы привести, например, к восприятию тех «арабов», что живут в стране много поколений и полностью перешли на суахили, как части именно «арабов», а не «танзанийцев».

ИСТОРИЧЕСКАЯ И СОВРЕМЕННАЯ РАБОТОРГОВЛЯ

Работорговля в регионе велась много веков уже в доколониальную эпоху - невольники отсюда вывозились в страны Персидского залива и бассейна Индийского океана, прежде всего арабскими и персидскими

¹ Mwarabu (на яз. суахили) - араб. (прим. авт.).

работорговцами. В раннее Новое время португальцы вели торговлю людьми из внутренних районов бассейна Замбези в Мозамбике. В XVIII в. французы основали плантации сахарного тростника на Маврикии и Реюньоне, нуждавшиеся в постоянном и значительном притоке рабочей силы, которая поставлялась с территории современных Мозамбика и Танзании.

В первой половине XIX в. на Занзибаре и Пембе появились обширные плантации гвоздики и кокосов, владельцами которых были, в основном, оманские арабы. Эти плантации требовали еще большей рабочей силы, чем плантации Маскаренских островов. Султан Сеййид Саид, правитель Маската, Омана и Занзибара, перенес в 1840 г. столицу султаната на Занзибар; в его правление остров стал ведущим мировым поставщиком гвоздики и крупнейшим невольничьим рынком Восточной Африки. Помимо удовлетворения собственных нужд Занзибара и Пембы и уже упомянутых Маскарен, рабы вывозились в Аравию, страны Персидского залива, Персию, Индию, Мадагаскар, на Коморы и Сейшеллы, некоторое количество вывозилось в Бразилию.

Оманские арабы, составлявшие главную часть элиты Занзибарского султаната, поставили работорговлю на коммерческую основу и придали ей невиданный до того масштаб (хотя работорговлей занимались не только этнические арабы, и тем более нельзя отрицать большую роль местных вождов, продававших соплеменников и других африканцев).

В XIX - начале XX вв. развернулся процесс ограничения и запрета работорговли, а позднее и самого рабства в Восточной Африке. Его начало было частью общей международной политики Великобритании по борьбе с рабством, проводившейся с начала XIX в. Именно Великобритания добилась заключения нескольких договоров с Оманом и Занзибаром - сначала по ограничению, а затем и отмене работорговли: договор Морсби 1822 г. с поправкой 1839 г., определявший зону в Индийском океане, внутри которой работорговля была запрещена; договор Хамертона 1845 г., поставивший вне закона экспорт рабов за пределы владений султана в Восточной Африке; договор Фрера 1873 г., по которому работорговля объявлялась незаконной во всех владениях султана и невольничий рынок на Занзибаре был закрыт. В 1897 г. правительство согласилось выплатить рабовладельцам Занзибара компенсацию за отпуск рабов на волю, а в 1909 г. был отменен сам институт рабства на острове [3, p. 290]. На территории Танганьики рабовладение было отменено в 1922 г. особым актом британской администрации [4, p. 38].

Несмотря на то, что в современном мире института рабства как такового не существует, отдельные его проявления фиксируются даже в XXI в. [3, p. 278]. Как указывается в *The Global Slavery Index* за 2018 г.², арабские страны остаются направлением вывоза мужчин и женщин из Южной и Юго-Западной Азии, из стран Северной и Субсахарской Африки, которых привлекают туда обещанием трудоустройства в сферах строительства, производства, сельского хозяйства, в гостиничном бизнесе и в качестве домашних работников.

Если говорить о домашнем труде, как правило, речь идет о домработницах: «купить» такую «домработницу», порой несовершеннолетнюю, можно даже через приложения в Интернете³. Отмечают широко распространенную практику отбирания у работников паспортов, что делает крайне сложным их возвращение на родину даже в том случае, если им удалось обратиться за помощью в посольство своей страны [5, pp. 40-41].

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Приведем некоторые результаты полевого исследования в части межэтнических отношений (см. также: [6; 2]).

Мнения респондентов разделились практически поровну: половина опрошенных считает, что отношения между афротанзанийцами и аработанзанийцами совершенно нормальные, вторая половина отмечает наличие некоторых трений и сложностей.

К современным аработанзанийцам, в целом, хуже относятся: 1) люди с низким уровнем образования; 2) из особо пострадавших от работорговли регионов; 3) люди старшей возрастной группы; 4) респонденты с семейной травмой (когда-то предки семьи были уведены в рабство, либо это случилось с кем-то из ближайшего окружения); 5) христиане.

Два фактора из этих пяти - уровень образования и религиозная принадлежность - могут не иметь непосредственного отношения к изучаемой теме: влияние уровня образования на толерантность фиксируется по многим обществам независимо от изучаемого вопроса. Именно в такой форме может проявляться некоторая напряженность в отношениях между христианами и мусульманами Танзании, не связанная непосредственно с работорговлей, когда исторические воспоминания используются только как дополнитель-

² The Global Slavery Index 2018. Arab States Report. <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/GSI-Arab-States-Report-1544580481.pdf>. P. 21 (accessed 14.05.2020)

³ Русская служба BBC. Современное рабство. <https://www.youtube.com/watch?v=cosxaL3moIY&feature=youtu.be> (accessed 14.05.2020)

ный аргумент на почве уже существующих и независимо существующих межрелигиозных противоречий (см.: [7; 8]).

Меньшая толерантность со стороны людей с семейной травмой и из особо пострадавших регионов (что можно считать опосредованной семейной травмой) психологически понятна и не нуждается в особом объяснении. Однако меньшая толерантность со стороны старшей возрастной группы (и, соответственно, большая со стороны молодежи и людей среднего возраста) объясняется не только тем, что пожилые люди в принципе ближе к этим трагическим событиям, могли быть их участниками и свидетелями и на их долю выпал гораздо больший объем устной традиции, рассказов и воспоминаний. Наши респонденты прямо говорили, что сейчас устная традиция, вечерние посиделки стариков с детьми, в ходе которых они рассказывали им истории из своей жизни, уходят в прошлое.

Таким образом, для каждого конкретного человека история арабской работорговли оказывается расположенной между семейной травмой (если она имела место непосредственно или в ближайшем окружении) и государственной политикой толерантности, недопущения дискриминации со стороны государства.

Те танзанийцы, которые говорили, что отношения между афротанзанийцами и аработанзанийцами хорошие, приводили конкретные аргументы: высказывания о единстве страны, танзанийского общества; о дружелюбии и хорошем отношении друг к другу всех групп населения; что арабы интегрируются в общество и часто даже определяют себя как суахили⁴ или относят к конкретной народности (хотя фенотип выдает их происхождение); что прошлое должно оставаться в прошлом и нет смысла возвращаться к нему.

Приведем отрывок из интервью.

«Отношения [между танзанийцами и арабами, живущими в стране. - А.Б.] очень хорошие, на сто процентов. Без обмана - я ведь знаю об этом, потому что родился здесь. Нет, никогда не видел, чтобы люди ненавидели кого-то, и даже если кто-то думает о тех событиях (о работорговле. - А.Б.), то в таком ключе - "то, что они делали, было плохо". Но это не значит, что они будут ненавидеть людей, которые сюда приезжают, или арабов, потому что те занимались работорговлей, нет. У нас здесь много арабов, друзей, арабских друзей. У меня здесь, в Багамои, есть друг-араб, на соседней улице, и в родном городе (Мтвара. - А.Б.) тоже. И арабы живут на тех же улицах, у них нет каких-то специальных мест проживания. Это хорошее отношение, которое существует - вы можете даже сами почувствовать, нет нужды просить. Танзанийцы - очень дружелюбные люди», - поделился молодой человек в Багамои.

Остановимся подробнее на интервью респондентов, которые высказали мнение, что отношения между аработанзанийцами и афротанзанийцами далеко не идеальные и наличествуют некоторые трения. Услышанные негативные отзывы можно разделить на 3 условных блока.

1) Арабы Танзании смотрят на африканцев свысока как на людей второго сорта. Сюда же относится проблема смешанных браков, когда мужчина с арабскими корнями берет в жены женщину-африканку, но не наоборот; крайне редки случаи браков черного мужчины и женщины из арабской семьи или с арабскими корнями, что воспринимается как пренебрежение. Однако отзывы по этому вопросу крайне противоречивы: респонденты, которые описывают межэтнические отношения полностью позитивно, напротив, говорят о смешанных браках как об одном из проявлений хороших отношений с арабами, живущими в стране.

Приведем несколько фрагментов:

«Отношения (между арабами и африканцами. - А.Б.) хорошие, но арабам свойственно некоторое... поведение, плохое поведение. С точки зрения африканского образа жизни араб может взять в жены африканку, танзанийку, но с точки зрения арабов - это не очень-то хорошо. Как будто между нами стена», - поделился молодой человек, живущий в Багамои.

«Работорговля - это плохо, с людьми обращались хуже, чем с животными. Никому такое не понравится, это было очень плохо. И этим занимались, согласно истории, арабы - пока не пришли белые, Стэнли и Ливингстон. Они пытались прекратить это, научить людей пути Бога, научить их любви, тому, что все мы - человеческие существа. Но арабы - они так не считали. Даже сегодня вы можете увидеть арабов здесь, они танзанийцы - но вы никогда не увидите, что черные женятся на арабах или арабы на черных, хотя это происходит между белыми и черными», - сказал молодой человек из Дар-эс-Салама, работающий в центре изучения языка суахили⁵.

«Сейчас особенных проблем (в отношениях между танзанийцами, европейцами, арабами в стране. - А.Б.) нет, кроме того, что у некоторых арабов остается это старое отношение».

- Они относятся к африканцам как к низшему классу? - спросила я.

«Да. Это правда», - ответила девушка из центрального региона страны.

⁴ Суахили - в данном случае имеется в виду культурная общность носителей языка суахили (прим. авт.).

⁵ Здесь - небольшой центр, расположенный в Гонго-ла-Мбото. Проводит олимпиады для школьников по языку суахили (прим. авт.).

2) Истории про неудавшееся соседство с арабами, - отличающиеся от вышеприведенного материала тем, что в них идет речь не просто о контактах, а именно о совместном проживании. Мы услышали только два таких сообщения, оба - от афротанзанийцев-христиан.

«Мы (жители Танзании, в целом. - А.Б.) любим друг друга, но есть некоторые люди, которым другие не нравятся. Например, когда я снимал дом у арабов, так как вел бизнес в Дар-эс-Саламе, но... Это длинная история, мы мирно жили с соседями. <...> Я услышал, как кто-то сказал, что хозяину дома не нравятся люди, которые здесь живут, потому что они христиане. <...> Через два месяца я покинул дом. Я сказал, что все кончено, и попросил вернуть последнюю внесенную сумму. И нашел дом в другом месте», - рассказал молодой человек с образованием инженера.

3) Истории о том, что арабы-работодатели обманывают своих работников и оставляют их без заработанных денег, в т.ч. «заманивая» их в арабские страны обещанием работы и хорошей жизни.

Именно на этом блоке мнений нам хотелось бы остановиться подробнее. Нет особенных оснований считать, что протагонистами приводимых ниже историй являются именно аработанзанийцы, а не «чужие», приезжие арабы; однако те афротанзанийцы, которые считают отношения с аработанзанийцами неидеальными, дополняют «претензии» к ним из прошлого с «претензиями» из настоящего, хотя объект приложения этих претензий не один и тот же.

«Моя соседка в Мбагале, она - *хайя*, поехала в Саудовскую Аравию, и мы с ней переписывались, когда она прибыла туда. Со временем мы потеряли контакт, не могли больше общаться через WhatsApp. Потом у меня появился ее новый номер, она сказала, что работодатель забрал у нее паспорт, забрал телефон... Она решила сбежать оттуда в другой дом. (Но и там. - А.Б.) ей не платили, в том доме были четыре мужчины, и они все принуждали ее заниматься сексом. Она сказала, что хочет вернуться, я сказал ей - пожалуйста, иди в посольство, попроси убежища; может быть, ты сможешь вернуться обратно. Ей удалось вернуться домой, в Букобу. <...> Это реальная история. Есть агенты, которые действуют неформально - они приходят к родителям и говорят: “У вашей дочери будет хорошая жизнь там, отдайте нам вашу дочь, и каждый месяц вам будет выплачиваться определенная сумма”. Так это и происходит...», - рассказал танзаниец с высшим образованием, также из народа *хайя*, и добавил: «Иногда, когда находишься в людных местах, можно услышать: “Арабы - плохие люди”. Не могу назвать какие-либо конкретные места, где это говорят, просто иногда (можно услышать. - А.Б.)».

Мы задали вопрос: «Арабов называют плохими из-за работорговли, из-за бизнеса или еще по какой-то причине? Или люди не задумываются об этом так глубоко?»

- Прежде всего из-за работорговли, а еще из-за того, что они до сих пор делают: забирают африканцев, особенно молодых женщин, в свои страны, а там уже отбирают паспорта и делают другие вещи. (заставляют заниматься проституцией и т.д. - А.Б.)

- То есть, это до сих пор происходит?

- Да, мы говорим нашим людям, особенно женщинам, - не езьте туда. Если представится возможность поехать к арабам, убедитесь, что вы знаете, что будете там делать, а не просто... человек пришел и сказал: “Я хочу забрать тебя в арабские страны”», - поделилась девушка из Гонго-ла-Мбото, по образованию социолог.

«Так или иначе, говоря об арабах, проблема существует для женщин. Когда им представляется шанс поехать для работы в арабские страны, мы получаем плохие вести. Мы всегда получаем плохие новости об этом.

- Что, у них отбирают паспорта и всё прочее?

- Да. Это проблема с арабами в нашей стране», - рассказал молодой человек, работающий в центре изучения языка суахили.

«Современное рабство продолжается, - начал свой рассказ занзибарец-ширази⁶. - Множество наших сестер едут на работу в Эмираты, Оман, Саудовскую Аравию. Как домработницы, да. Я знаю одну историю. Человек пришел и сказал, что ему нужна домработница, потому что его жена занята, также у него есть дочь, которая ходит в школу. Так что ему нужна женщина, которая заботилась бы о дочери и занималась бы домом, потому что дом без присмотра. <...> Это было в 2015 году. Он показал фотографию: “Это я, это моя жена, это дочь”. Он заплатил за три месяца работы вперед, чтобы показать, что ему можно доверять, и женщина, она с Занзибара, уехала в Оман, начала работать, но нашла в этом доме только четырех мужчин. Они забрали ее паспорт. <...> Они закрывали дверь, когда уходили... Так что она была как современная рабыня, сексуальная рабыня».

«Знаете, до сих пор существует некоторый вид рабства, - поделился с нами пожилой танзаниец в Багамойо. - Люди уезжают туда, где им обещали работу и хорошую жизнь. Но когда они оказываются там, работа действительно есть - принудительный труд. Они исчезают, некоторые никогда не возвращаются назад.

⁶ Ширази - одна из народностей на Занзибаре (прим. ред.).

Они исчезают, особенно женщины, которые едут в эти места. И то же самое - изнасилования и выращивание детей с арабами. Это до сих пор происходит. Я не знаю, кто ответственен за то, чтобы это остановить...».

ДРУГАЯ ФОРМА ИСТОРИЧЕСКОЙ РАБОТОРГОВЛИ

Еще раз подчеркнем, что в статье приведены только мнения людей, которые с разной степенью пессимизма и скепсиса оценивают отношения между афро- и аработанзанийцами; не должно складываться впечатление, что отрицательные мнения составляют весь спектр услышанного. Интересно, что истории о современном рабстве были рассказаны респондентами без наводящих вопросов: интервью велось только об исторической работорговле XIX в., более того, два человека прямо указали на то, что, по их мнению, историческая работорговля не закончилась, а просто приняла другую форму.

Получается, что для некоторых людей мнение о том, что прошлое должно оставаться в прошлом (как это и происходит в Танзании с точки зрения тех, кто считает межэтнические отношения хорошими), оказывается в противоречии с ситуациями, которые они наблюдают в наши дни.

Концептуализация современного рабства как новой формы исторической работорговли оказывается аргументом в межэтнических и частично - в межконфессиональных отношениях. Примечательно, что экспозиция музея при англиканском соборе на Занзибаре, построенном в 1873 г. на месте невольничьего рынка, отражает этот же подход: стенды последнего зала экспозиции, освещающей историю работорговли в Танганьике и на Занзибаре, аболиционистскую деятельность миссионеров и наследие рабовладения, посвящены как раз современному рабству в мире

ГРУППОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ И «ЕДИНЫЙ ОБРАЗ АРАБОВ»

Случаи современного рабства, которым, порой, заканчивается трудовая миграция в арабские страны, негативным образом влияют на межэтнические отношения в Танзании. Респондентов, которые говорят о сложностях в отношениях с аработанзанийцами только из-за работоргового прошлого, больше тех, кто высказывает претензии и относительно прошлого, и относительно настоящего в связи с прошлым («работорговля не закончилась, арабы продолжают заниматься тем же самым»). Однако можно заметить, что на самом деле в обоих случаях речь идет о построении конструкта, основанного на исторических воспоминаниях о прошлом участии арабов в работорговле, и о предъявлении арабам претензий в рамках этого конструкта, даже если прошлое прямо не упоминается.

Дело в том, что претензии к арабам по поводу современного рабства относятся, собственно, к иноземным арабам Аравии, но при этом озвучиваются как мотивировка негативных элементов отношения к арабам Танзании, которые в современное «рабство у арабов» никак не вовлечены (или, по крайней мере, респонденты подобного вовлечения не упоминают). Само это соединение претензий возможно только в рамках конструирования некоего единого образа арабов, который включает в себя и арабов Танзании, и арабов Аравии, в т.ч. «современных рабовладельцев» из числа последних.

Единый образ арабов, в рамках которого современное рабство, практикуемое некоторыми жителями арабских стран, способно влиять на групповую репутацию арабов Танзании, может существовать только как конструкт, сформированный на базе исторических воспоминаний, восходящих к XIX в. и ранее, когда на Занзибаре и в Восточной Африке доминировала группа арабов, связанная именно с Аравией (оманская династия), а ее представители были главной работорговой силой в регионе. Только проецируя впечатление из прошлого на современность, можно было бы воспринять впечатления от современного рабства в арабских странах как фактор, влияющий на отношение к аработанзанийцам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, если в положительном отношении к аработанзанийцам нельзя не усмотреть определенную долю влияния государственной идеологии и политического воспитания, стимулирующих именно такое отношение, в элементах негативного отношения присутствует влияние исторических воспоминаний.

Более того, можно заметить, что претензии к современным аработанзанийцам (у тех, кто их высказывает) оказываются гораздо чаще связанными с воспоминаниями о прошлом, чем с отсылками к тому, как ведут себя некоторые танзанийские арабы сейчас: очень редки случаи, когда респондент, не упоминавший арабов в связи с работорговлей (например, ничего не знающий о ней ввиду низкого уровня образования или ответивший, что ею занимались европейцы), плохо отзывался о современных аработанзанийцах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванченко О.В. Танзания: самосознания национальное и этническое. *Азия и Африка сегодня*. 2013. № 6. С. 53-59.
2. Банщикова А.А., Иванченко О.В. Воспоминания об арабской работорговле и межэтнические отношения в современной Танзании: между семейной травмой и государственной политикой толерантности. *Антропологический форум*. 2020. № 44. С. 83-113.
3. Lovejoy P.E. 2012. Transformations in Slavery. A History of Slavery in Africa. 3rd edition. Cambridge: Cambridge University Press. 412 p.
4. Sheriff A. 2005. Slave Trade and Slave Routes of the East African Coast. *Slave Routes and Oral Tradition in Southeastern Africa / Zimba, Benigna, Alpers, Edward A., Isaacman, Allen F.* (eds.). Maputo, Mozambique: Folsom Entertainment. Pp. 13-38.
5. McCormack S., Joudo Larsen J. & Abul Husn H. 2015. The other migrant crisis: protecting migrant workers against exploitation in the Middle East and North Africa. A policy research report. International Organization for Migration & Walk Free Foundation. https://publications.iom.int/system/files/pdf/other_migrant_crisis.pdf (accessed 14.05.2020)
6. Anastasia A.Banshchikova, Oxana V.Ivanchenko. 2019. Historical memory of the 19th-century Arab slave trade in modern-day Tanzania: Between family trauma and state-planted tolerance. *The Omnipresent Past. Historical Anthropology of Africa and African Diaspora* / Eds. D.M.Bondarenko, M.L.Butovskaya. Moscow, LRC Publishing House.
7. Мусульмане и христиане современной Танзании / Ред. А.Д.Саватеев. М., Институт Африки РАН, 2005. 228 с.
8. Коротаев А.В., Халтурина Д.А. Арабы в Танзании. *Межрасовые и межэтнические отношения в современной Танзании. Труды Российской комплексной экспедиции в Объединенной Республике Танзания (сезон 2005 г.)*: Сб. ст. / Отв. ред. А.В. Коротаев, Е.Б. Деминцева. М.: ЛЕНАНД, 2008. С. 8-27.

REFERENCES

1. Ivanchenko O.V. 2013. Tanzania: National and Ethnic Self-Consciousness. *Asia and Africa Today*. № 6. (In Russ.)
2. Banshchikova A.A., Ivanchenko O.V. 2020. Memory about the Arab Slave Trade in Modern-Day Tanzania: Between Family Trauma and State-Planted Tolerance. *Anthropological Forum*. № 44. (In Russ.)
3. Lovejoy P.E. 2012. Transformations in Slavery. A History of Slavery in Africa. 3rd edition. Cambridge: Cambridge University Press. 412 p.
4. Sheriff A. 2005. Slave Trade and Slave Routes of the East African Coast. In Zimba, Benigna, Slave Routes and Oral Tradition in Southeastern Africa / Eds. Alpers, Edward A., Isaacman, Allen F. Maputo, Mozambique: Folsom Entertainment. Pp. 13-38.
5. McCormack S., Joudo Larsen J. & Abul Husn H. 2015. The Other Migrant Crisis: Protecting Migrant Workers against exploitation in the Middle East and North Africa. A Policy Research Report. International Organization for Migration & Walk Free Foundation. https://publications.iom.int/system/files/pdf/other_migrant_crisis.pdf (accessed 14.05.2020)
6. Anastasia A.Banshchikova, Oxana V.Ivanchenko. 2019. Historical memory of the 19th-century Arab slave Trade in modern Tanzania: Between family trauma and state-planted tolerance. In: The mnipresent Past. Historical Anthropology of Africa and African Diaspora / Eds. Dmitri M.Bondarenko and Marina L.Butovskaya. Moscow: LRC Publishing House.
7. Muslims and Christians in Contemporary Tanzania: Publications of the Russian Expedition / Ed. Savateev A.D. Moscow, Institute for African Studies, 2005. 228 p. (In Russ.)
8. Korotaev A.V., Halturina D.A. Arabs in Tanzania. 2008. *Interracial and Interethnic Relations in Contemporary Tanzania. Publications of the Russian Complex Expedition to the United Republic of Tanzania (2005 Field Season)* / Eds. A.V. Korotayev and E.B. Demintseva. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Банщикова Анастасия Алексеевна, к.и.н., ст.н.с., Центр истории и культурной антропологии, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Anastasia A. Banshchikova, PhD (History), Senior Researcher, Center of History and Cultural Anthropology, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
13.02.2021

Доработана после рецензирования (Revised)
15.03.2021

Принята к публикации (Accepted)
02.04.2021